

Олег Фонкац

Московская
усадьба

Олег Фонкац
Московская усадьба

«Автор»

2026

Фонкац О.

Московская усадьба / О. Фонкац — «Автор», 2026

Пьеса написана по мотивам романа Олега Фонкаца "Портрет". Из московского музея-усадьбы исчезает портрет, который, казалось бы, не представляет никакой ценности, но в ходе расследования сыщик распутывает клубок таинственных событий длиною в триста лет.

© Фонкац О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Олег Фонкац Московская усадьба Пьеса в трёх действиях	5
Действующие лица	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Олег Фонкац

Московская усадьба

Олег Фонкац Московская усадьба Пьеса в трёх действиях

Действующие лица

Нина Константиновна Курносова – старший научный сотрудник музея-усадьбы
Евгений Александрович Горюнов – следователь прокуратуры
Александр – директор музея-усадьбы
Люська – студентка Суриковского училища, подруга Александра
Яков Брюс – чернокнижник
Андрей Кафтанов – любимчик Брюса
Пётр Алексеевич Серов – чекист
Марина (Марина Павловна Серова) – супруга Серова
Серёжа (Сергей Павлович) – брат Марины Павловны
Володя (Владимир Иванович Кафтанов) – поэт
Филимон – помощник Серова
Василиса – прислуга в доме Серовых
Александр Осипович Цветков – профессор филологии
Никифор Иваныч Кокошный – пролетарский литератор
Гости в Розовой гостиной
Призраки в Розовой гостиной
Иван Францевич Лиферт – антиквар
Тётя Таня – уборщица в музее-усадьбе
Андрей Кафтанов – дядя Владимира Ивановича Кафтанова
Князь Арчил
Васнецов – судебный следователь
Поручик на именинах у Марины

Время и место действия:

Москва Сухарева башня начало XVIII века

Имение Муравьёвых, Мещёрский край 1914 год

Московская усадьба, конец 20-х годов прошлого века

Московская усадьба, конец 70-х годов прошлого века

Московский парк на берегу озера (на том свете)

Действие первое

Картина первая

Открывается занавес. Москва, конец 70-х годов, Музей-усадьба, Розовая гостиная: большой стол, стулья, диван, кресло, ломберный столик, этажерка, конторка и прочая мебель, между окон портрет неизвестного в полный рост, в кафтане, в сапогах, в треуголке. Люська стоит посередине, у неё на мольберте законченная копия портрета, но она явно не довольна своей работой. За ломберным столом сидят призраки картёжников: офицеры и гражданские, сдают карты, наливают вино, кофе, пьют, ссорятся, чем очень мешают Люське. В какой-то момент она не выдерживает, бросает в них кисточку, сбивает на пол мольберт, подходит к оттоманке, ложится и засыпает. Призраки исчезают. Входит Александр. Поднимает картину с пола, ставит на мольберт и сравнивает с портретом на стене.

Александр. Вот это да, не отличить! Даже кракелюрный лак успела нанести и патиновую смесь. С ней можно иметь дело. Теперь у меня два портрета. Умница! Золотая девочка!

Уносит портрет к себе в кабинет и через некоторое время возвращается обратно. Тем временем Люська просыпается.

Люська. Я уснула прямо на этом диване?

Александр. Всё хорошо! Как ты себя чувствуешь?

Люська. Мне снился странный сон. Будто здесь, в Розовой гостиной сидели люди за ломберным столом, пили вино, курили, играли в карты. Бред какой-то!

Александр. Ты просто переутомилась.

Люська. Саша, прости, но я должна признаться, что подвела тебя.

Александр. Что случилось?

Люська. Я не смогла сделать копию с этого портрета. За эту неделю, что я работала, тревожные чувства одолевали меня. В конце концов, я порвала его в клочья. (ищет взглядом копию портрета) Хотя, сейчас, я уже ни в чём не уверена. Может мне это приснилось?

Александр. Нет, ты действительно порвала его. Честно говоря, я страшно испугался. Представляешь, картина маслом: мольберт на полу, палитра разбилась вдребезги (не расстраивайся, я куплю тебе новую), обрывки полотна на паркете (чем ты его так, ножом что ли?), и ты на оттоманке свернулась калачиком. Я сразу же попросил уборщицу всё прибрать, пока не пришла Нина Константиновна. А то бы с ней случилась истерика. Когда она проводит экскурсии, то рассказывает об этом портрете всякие небылицы.

Люська. Какие небылицы?

Александр. По версии Нины Константиновны портрет изображает настоящего хозяина усадьбы, судьба которого трагична и туманна. По доносу, в начале XVIII века, он был арестован Тайной канцелярией, которую основал ещё Пётр Первый.

Люська. И, что же с ним произошло дальше?

Александр. Что и со всеми, в те смутные времена, схваченными по доносу, когда монархи имели все основания бояться дворцовых переворотов: он кончил свои дни на дыбе. Кстати, государь и сам иногда присутствовал при экзекуциях и вполне мог беседовать с нашим героем, когда тот изнывал от боли.

Люська. А как его звали?

Александр. Этого я не знаю. Но следуя гипотезе Курносой: этот неизвестный молодой человек, иногда, главным образом в ночное время, появляется в усадьбе, где он назначил встречу.

Люська. Кому?

Александр. Своему убийце.

Люська. А кто же убийца?

Александр. Есть три кандидата на эту роль: первый — автор подмётного письма, второй — начальник тайной канцелярии, и третий — сам император!

Люська. Ой, Саша, кажется, я уже опоздала в училище!

Тётя Таня. (входит с ведром и шваброй) Боже мой! Весь паркет заляпали.

Люська. Ой, простите, тётя Таня! Давайте я выброшу рваное полотно.

Тётя Таня. Ты что, ещё и картину испортила? Вот я Нине то Константиновне пожалуюсь.

Александр прикладывает палец к губам, подавая знак, чтобы уборщица молчала.

Люська подходит к портрету, висящему на стене, некоторое время внимательно его рассматривает.

Люська. Какое-то наваждение, а не портрет. Тётя Таня, я имела ввиду обрывки копии с этой картины.

Уборщица уходит не обернувшись.

Картина вторая

Викторианский кабинет: массивный стол, два кресла в которых сидят следователь Горюнов и директор музея Александр, затем появляется Курносова, директор уходит, Конец 70-х годов

Горюнов. Итак, рассказывайте, я вас слушаю.

Александр. Собственно, рассказывать-то нечего, пропала картина.

Горюнов. Ну вот, а говорите нечего! (сыщик достаёт блокнот и ручку) Кража, стало быть.

Александр. Да как вам сказать...

Горюнов. Вот так прямо и скажите — украли картину, автор, название. Шедевр поди?

Александр. Нет, ну что вы, какой шедевр! Портрет неизвестного, автор неизвестный, предположительно начало восемнадцатого века.

Горюнов. Старинная вещь! Когда пропала картина?

Александр. Месяц назад.

Горюнов. Так, так, так. (забарабанил пальцами по столу и снял очки) А почему только сейчас заявили? Не порядок.

Александр. Так только сегодня заметили.

Горюнов. Не понял.

Александр. Понимаете, месяц назад, два дня подряд, у нас проводили фотосъёмку интерьера для журнала «Городская усадьба». А вчера нам прислали наш экземпляр, посмотрите, этот снимок сделан семнадцатого августа, во второй половине дня, в так называемой Розовой гостиной, и портрет висит между окон, выходящих во двор, где ему и положено быть.

Горюнов. Та-ак.

Александр. А это фото с другого ракурса, здесь межоконное пространство и то всего на четверть, оказывается в самом углу композиции. Но старший научный сотрудник Курносова сразу заметила — портрета нет! А съёмка производилась и на следующее утро, восемнадцатого августа.

Горюнов. Прекрасно! Значит время кражи можно установить с точностью... (пауза, смотрит вопросительно на музейщика)

Александр. Съёмка закончилась в шесть вечера, музей закрыли в семь, а продолжили снимать, на следующий день, в десять утра. Итак, время кражи можно установить с точностью до... пятнадцати часов. (Александр постучал по стеклу циферблата своих часов на запястье)

Горюнов. А часы то у вас не дешёвые!

Александр. (гордо) Швейцарские.

Горюнов. Давно приобрели?

Александр. На что вы намекаете?

Горюнов. Просто спрашиваю. (пауза) И что ж всё это время никто не замечал, что полотно восемнадцатого века исчезло со стены?

Александр. Представьте себе — никто.

Горюнов. Прекрасно, так и запишем. Можете мне показать фотографию пропавшего портрета?

Александр. Да, конечно. Я уже приготовил. Перед вами портрет молодого человека в полный рост, в двубортном кафтане, сверху плащ, отделанный серебряным галуном. Поколенные узкие кюлоты, чулки и башмаки с пряжками. Парик, треуголка и прочее — можно смело отнести к восемнадцатому веку. Но грубая техника живописи выдаёт в художнике любителя, не более того.

Горюнов. Зачем же вы повесили в музее портрет, если он не имеет никакой художественной ценности.

Александр. Он всегда там висел. Так, пятно для интерьера, чтоб заполнить пустое пространство.

Горюнов. Хорошо. Тогда такой вопрос — у вас ведь есть картины, которые действительно имеют художественную ценность?

Александр. И не только картины — старинная посуда, антикварные книги, украшения. Каждый вечер ставим на сигнализацию.

Горюнов. А взяли никому ненужную картину — пятно для интерьера, как вы утверждаете.

Александр. Знаете, что? Я здесь человек новый. Давайте, я вас, лучше, познакомлю с нашим старшим научным сотрудником. Она уже здесь лет двадцать работает и, кажется, нет ни одного экспоната, к которому она не приложила бы руку. (берёт трубку телефона, набирает номер) Нина Константиновна, будьте так любезны, не могли бы вы зайти ко мне в кабинет. Буду вам очень признателен.

Горюнов. Собственно говоря, мы с вами не закончили. У меня есть к вам ещё несколько вопросов.

Александр. Честное слово, давайте не сегодня. Очень важная встреча, нетерпящая отлагательств. Если бы вы заранее предупредили о вашем визите. Там, наверху не поймут, если я опоздаю.

Горюнов. На каком верху?

Александр. В министерстве культуры.

Горюнов. Это они ещё не знают, что у вас из-под самого носа пропадают произведения искусства.

Александр. Товарищ следователь, я вас умоляю, какие произведения! Так, никому не нужная мазня.

Горюнов. Это вы утверждаете, как эксперт?

Александр. Это видно невооружённым взглядом.

Горюнов. Ну, теперь, невооружённым взглядом мы можем смотреть только на фотографию.

Александр. Давайте перенесём нашу встречу на более удобное время.

Горюнов. Ну, смотрите сами! Тогда мне придётся вас вызвать повесткой.

(Входит Курносова)

Александр. Нина Константиновна дорогая, следователь хотел бы с вами побеседовать по поводу этой пропавшей, с позволения сказать, картины. Товарищ Горюнов я вас оставляю. Зам министра ждать не будет. Мой кабинет в вашем полном распоряжении.

Горюнов. Хорошо, идите.

(Александр уходит. Нина Константиновна садится в директорское кресло)

Курносова. Ну, здравствуйте, товарищ следователь.

Горюнов. Добрый день.

Курносова. Зам министра — это его дядя, чтоб вы понимали.

Горюнов. Какой дядя?

Курносова. Двоюродный. Дядя Левон. Он этого выскочку сюда и привёл.

Горюнов. А я смотрю, вы его недолюбливаете.

Курносова. Есть немного. (пауза) Мне вообще не нравятся случайные люди, которые время от времени, благодаря таким вот дядям Левонам, из министерства культуры, появляются в этом славном доме.

Горюнов. Я, слава Богу, из другого ведомства и насколько я понимаю, вы, о пропавшем портрете знаете несколько больше, чем ваш начальник.

Курносова. Значительно больше и не только о портрете.

Горюнов. Меня интересует исключительно портрет.

Курносова. Чтобы понять, что же здесь произошло на самом деле, надо немного глубже заглянуть в историю этого дома. (Нина Константиновна встаёт из-за стола и начинает прохаживаться взад и вперёд, говоря тоном экскурсовода) Эта усадьба — прекрасный образец позднего ампира, хотя за полтора столетия существования маленького дворца, в нём смешалось всё разнообразие вкусов и безвкусия постоянно менявшихся владельцев. Чопорные слуги расхаживали не спеша, выполняя свои ежедневные обязанности: зажигали свечи, смахивали пыль, докладывали о гостях.

Горюнов пытается жестом остановить Нину Константиновну.

И так продолжалось до тех пор, пока старинный дворянский род не пришёл в упадок; старики умерли, дети промотали баснословное наследство и дом перешёл в руки цепкого купца, не способного отличить барокко от русской печи, но скупавшего дорогую мебель, восточные ковры, ширмы, этажерки и плюшевые скатерти.

Горюнов. При чём здесь плюшевые скатерти?

Курносова. Имейте терпение! Итак, в этом нагромождении заморской экзотики распивали чай и крепкие наливки, и бородатый глава семейства предавался воспоминаниям о своём босоногом детстве. Затем, по этому, чудом уцелевшему, наборному паркету громыхали сапожища, героя гражданской войны и каблучки его красавицы жены, свободно лепетавшей по-французски по телефону со своими подругами, чтоб благоверный ничего не понял.

Горюнов. Но, позвольте, как вас?

Курносова. Одну минуточку, это ещё не всё. Здесь устраивались музыкальные вечера и литературные чтения. На этих разностильных диванах, креслах, стульях и пуфиках из карельской берёзы, чёрного дерева и ореха, обтянутых кожей, бархатом и шёлком, сживали известные поэты, талантливые музыканты, руководящие работники и артисты, многие из которых сменили изысканные интерьеры, на скромную обстановку холодных бараков. И все эти хрупкие хрустальные люстры, зеркала, вазы на тумбах, картины в золочёных рамках, керосиновые лампы, в анфиладе парадных комнат, пережили своих могущественных хозяев и превратились в музейные экспонаты. Хотя, события, относящиеся к портрету, начались совсем в другом

месте, лет триста назад, под сводами московского или как ещё это называют, нарышкинского барокко. И если вы запасётесь терпением, я расскажу, как это начиналось!

Горюнов. Я смотрю вас всё равно не остановить. (машет рукой) Валяйте!

Курносова. Для начала мы с вами перенесёмся в Сухареву башню.

Горюнов. Это где ещё? Сегодня я не смогу!

Курносова. Это на Колхозной площади. Но для этого никуда ехать не надо. Я расскажу, как, появился этот портрет у основателя рода Кафтановых, написанный его могущественным покровителем Яковом Брюсом, для того чтобы охранять своего любимого ученика, весь его род, его друзей и друзей его друзей. Хотя Андрея Кафтанова, по-видимому, портрет всё же не спас, и он кончил свои дни на дыбе Тайной канцелярии. Но благодаря летописи этого старинного рода, сегодня, мы можем представить себе, как эти двое, сидели в обсерватории Навигацкой школы, пили ренское, и живо обсуждали происшествие, с которого, собственно говоря, всё и началось.

Картина третья

Высвечивается обсерватория чернокнижника. Яков Брюс и Андрей Кафтанов, начало XVIII века

Андрей. (смеясь) Фехтмейстер кричал, господа сабияки, сдайте пошалуйста фаши папиры ф арсенал. Я фынушден буду докладывать о фашем пофедении их благородию господину Брюсу.

Брюс. А ты что на это?

Андрей. Я защищался! Никишка на меня набросился и чуть было на заколол. Благо немец оказался проворней, схватил наглеца Серова за шкурку и опрокинул на пол. И только тогда появился профессор Фарварсон, которому доложили уже, что я без спросу взял учебник Магницкого из вашей библиотеки, но от возмущения, он сразу же растерял весь свой, и без того скудный запас русского языка и вынужден был прибегнуть к помощи толмача.

Брюс. А это тот тугодум, который не способен и двух слов связать.

Андрей. Он самый. Но всё же он справился с переводом обвинений в мой адрес. Не иначе, как Никишка Серов его подучил. Господин Кафтанов, сказал толмач, профессор Фарварсон спрашивает, понимаете ли вы, что вас обвиняют в краже учебника Магницкого из библиотеки их благородия господина Брюса. Что вы можете сказать в своё оправдание?

Брюс. И что же ты ответил ему?

Андрей. Чистую правду! Что никогда прежде мне не попадалось настолько увлекательное чтение. Вы бы видели, как испугался этот тугодум. Заикаясь, он спросил, что может быть я не понял вопроса? Тогда я решил добить его всего лишь одной фразой, которую, я был уверен, он не переведёт. И скороговоркой протараторил, что я прекрасно понял, господина профессора! Мне, к великому сожалению, не хватило одной ночи, чтобы проштудировать интересующие меня главы. Но арифметические действия с целыми, дробными и именованными числами, описанные Леонтием Филипповичем, доставили несказанное удовольствие своей простотой изложения.

Брюс. Какой же ты изверг, мальчик мой.

Андрей. Вовсе нет, Яков Вилимович. Я сжалился над этим проходимцем!

Брюс. Берусь предположить, чтобы облегчить страдания несчастного, ты заколол его своей рапирой!

Андрей. Нет, ваше благородие. Всё было проще, я перешёл на английский. Тогда шотландец заявил, что арифметические действия с целыми, дробными и именованными числами не самая сложная тема. Конечно, господин профессор, согласился я, но это только для нас с

вами. А для нашего толмача — это неразрешимая задача. Я просто уверен, что он не переведёт и той простой записки, с помощью которой меня выманили из моей комнаты, чтобы забрать ту самую книгу. Тогда фехтмейстер воскликнул, почему вы так считаете?

Брюс. Мне кажется, что здесь ты был чересчур высокомерен.

Андрей. Нет, я открыл Фарварсону глаза на то, что наш толмач не обучен грамоте: ни русской, ни английской.

Брюс. Как же, тогда, он служит толмачом?

Андрей. Не знаю, господин Брюс. Это надо спросить у того, кто его сюда привёл.

Брюс. А что это за записка, с помощью которой тебя выманили из комнаты?

Андрей. А вот она! В ней сказано, что моей благодетель, Его Преподобие отец Иоан, проездом в Москве и хотел бы видеть меня безотлагательно. Впрочем, это не переубедило Фарварсона в его решении подвергнуть меня наказанию шпицрутенами, за совершённый проступок. Конечно же я в отчаянье крикнул: судите сами профессор, что стоит моя вина, по сравнению с возмутительным фактом доноса в школе, которая занимается воспитанием будущих патриотов государства Российского. И тут, в самый решающий момент, появились вы и я был спасён!

Андрей поднимает бокал, чокается с Брюсом.

Андрей. А правда говорят, что у вас есть Чёрная книга?

Брюс. Болтают.

Андрей. А перстень Соломона, который превращает вас в невидимку, стоит только повернуть рубин по часовой стрелке.

Брюс. Перстень есть. Но не про твою честь. Лучше посмотри сюда!

Чернокнижник подходит к мольберту и срывает с него сукно.

Брюс. Узнаёшь себя?

Андрей. Если вы хотите сказать, что на портрете изображён ваш покорный слуга, то этому, с позволения сказать, художнику, ещё не мешало бы подучиться. На мой неприятный вкус — бездарная мазня!

Брюс. Меня всегда удивляла твоя дерзость. За то и люблю. Автор этого портрета — я! Но он предназначен не для тонких ценителей живописи.

Андрей. Для кого же он тогда?

Брюс. Для тебя. Пока ты его хозяин, он отражает твоё лицо и защищает от твоих врагов.

Андрей. Какие у меня могут быть враги?

Брюс. Сегодня тебя обвинили в воровстве, которого ты не совершал. Если бы ты сегодня прошёл сквозь строй, ещё неизвестно, чем бы это всё могло закончиться. Запомни — любимчиков нигде не любят, а ты ещё и дьявольски талантлив! Так что били бы тебя от души. И как ты мог клонуть на такую глупую уловку с запиской? Запомни, если отец Иоанн и захочет тебя увидеть, то я узнаю об этом первым. Ты хоть знаешь, кто её написал?

Андрей. Никишка Серов.

Брюс. Берегись его, пока я от него не избавлюсь, а это возьмёт время. Надо выяснить откуда он прибыл и кто за ним стоит. К великому сожалению, доносу покровительствует сам государь и его можно понять. Ему всё кажется, что Москва кишит шпионами.

Свет в обсерватории чернокнижника гаснет.

Картина четвёртая

Викторианский кабинет, конец 70-х годов

Горюнов. Всё это чрезвычайно интересно товарищ Курносова, но мне кажется к делу отношения не имеет.

Курносова. Вы так считаете? Ну что ж, тогда мне больше нечего добавить к сказанному.

Горюнов. Может вы кого-то подозреваете?

Курносова. О, у меня целый список подозреваемых.

Горюнов. (оживляется) Кто, например?

Курносова. (указывает пальцем на блокнот следователя) Записывайте! Итак, начнём с товарища Серова.

Горюнов. Это кто?

Курносова. Не перебивайте! Давайте не будем торопиться, всё по порядку, иначе мы никогда не раскроем это дело.

Горюнов. Кто это мы?

Курносова. Мы с вами! Понятно же, что без меня вам не справиться.

Горюнов. Позвольте, но...

Курносова. Значит вам не интересен круг подозреваемых?

Горюнов. Нет, что вы! Я вас внимательно слушаю.

Курносова. Итак, в первую очередь товарищ Серов, затем – его помощник Филимон, писателя Кафтанова нельзя исключать, Марина Пална, жена товарища Серова, могла бы быть крайне заинтересована получить этот портрет, и наконец брат её, которого в дневниковых записях она называет Серёжа.

Горюнов. Стоп-стоп! Кто все эти люди?

Курносова. Все эти люди жили в этом доме пол века назад.

Горюнов. И что же они все до сих пор живы?

Курносова. Не исключено.

Горюнов. Расскажите мне вкратце о каждом из них.

Курносова. Я потратила лет десять, изучая письма, дневниковые записи, вырезки из газет и другие архивные материалы, а вы хотите, чтобы я, за пару минут, выложила вам на блюдечке всю подноготную обитателей этого таинственного дома. А это знаете ли дело не на одну трубку.

Горюнов. Какую ещё трубку?

Курносова. Так мог бы сказать один ваш коллега, столкнусь он с этим загадочным делом.

Горюнов. Вы знакомы с кем-то из прокуратуры.

Курносова. Пока только с вами. Знаете что? Вам бы очень пошло курить трубку.

Горюнов. Я курю папиросы.

Курносова. Комиссар Мегрэ курил трубку.

Горюнов. Причём здесь комиссар Мегрэ?

Курносова. Коли вы всё равно курите, что несомненно вредно, я хотела бы, в знак нашей дружбы, подарить вам трубку Мегрэ.

Горюнов. Извините, какая дружба? Мы с вами знакомы всего несколько минут. И потом, я здесь по делам службы, так сказать.

Курносова. Дело в том, что я безумно люблю романы Сименона. А вы очень похожи на Жана Габена. Помните, тот старый французский фильм, чёрно-белый. Позвольте я подарю вам трубку Мегрэ, формы “прямой бильярд”.

Горюнов. Вы что курите трубку?

Курносова. Нет, что вы. Просто хочу, чтобы вы курили не “Беломор” какой-нибудь, а трубку, которая будет вам очень к лицу.

Горюнов. Наверно дорогая вещь?

Курносова. Недешёвая. Производитель итальянская фирма Мастро де Пайа.

Горюнов. Это исключено. Будет выглядеть, как взятка.

Курносова. Что же, я не могу сделать вам дружеский подарок?

Горюнов. Пока я веду это дело, мне нельзя получать от вас никаких подарков. Тем более в перечне музейных экспонатов, который я внимательным образом изучил, перед тем как прийти сюда, присутствуют несколько курительных трубок.

Курносова. Я надеюсь, вы не думаете, что я хочу подарить вам трубку, украденную из музея?

Горюнов. А у вас пропадали когда-нибудь трубки?

Курносова. С вами невозможно разговаривать!

Горюнов. Поймите меня правильно, на зарплату научного сотрудника, пусть даже и старшего, делать дорогие подарки, выглядит несколько, как бы вам сказать...

Курносова. Вы что меня подозреваете?

Горюнов. Нет, что вы... Но откуда у вас такая дорогая вещь.

Курносова. Друзья привезли, из-за границы.

Горюнов. И чек имеется?

Курносова. Вы что издеваетесь?

Горюнов. Ни в коем случае! Вот найдём картину и я, с удовольствием, приму любой подарок из ваших рук! Договорились?

Курносова. Договорились, но при одном условии!

Горюнов. Какое ещё условие?

Курносова. Я вас буду называть Жюль.

Горюнов. Какой ещё, к чёрту, Жюль?

Курносова. Так звали Мегрэ. Обещаю, я буду так обращаться к вам, только наедине.

Горюнов. Посмотрим.

Курносова. Тогда за дело! Ещё пара слов об одном из подозреваемых. Писатель, Владимир Иванович Кафтанов, и как я теперь почти уверена, тайный возлюбленный Марины Палны Серовой, свято верил в эту легенду. В какой-то момент, он подарил это полотно Марине Палне, как некий оберег, но в то же время собирался использовать его и в практических целях.

Горюнов. Вы говорите загадками.

Курносова. Чтобы мы с вами заговорили на одном языке, мой дорогой Жюль, по окончании нашей беседы, я покажу вам документы, которые изучать можно только здесь, в стенах музея, касающиеся перечисленных мною подозреваемых: письма, дневники, заметки, которые дадут вам некоторое представление, о том, что происходило в этом старинном доме пол века назад, какие страсти здесь кипели, не краю какой пропасти балансировали обитатели Розовой гостиной в тридцатых годах. И когда вы осилите эти рукописные свидетельства любви, ненависти и житейских будней, то дайте мне знать, и мы с вами продолжим расследование.

Горюнов. Товарищ Курносова, спасибо, конечно, за помощь, но, всё же не забывайте, что следствие веду я и все нити этого дела должны быть в моих руках.

Курносова. Мой дорогой Жюль, самонадеянность сгубила не одного талантливого человека, а уж в этом доме, наполненном призраками прошлого, надо быть крайне осторожным.

Горюнов. Я не верю в призраков!

Курносова. И тем не менее, коллега, представьте себе на минуту: Москва, конец двадцатых, и в этом самом кабинете злоеший чекист Пётр Алексеич Серов вербует будущего профессора Цветкова.

(затемнение, Горюнов и Курносова уходят, появляются Серов и Цветков)

Картина пятая

Викторианский кабинет. Серов и Цветков
Конец 20-х годов

Цветков. Красивый кабинет.

Серов. Сразу видно, что вы не лишены вкуса и чувствуете всю прелесть викторианского стиля. Вот такие образованные люди, как вы нам сейчас крайне нужны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.